

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Клеменс Подевильс

БОИ НА ДОНУ И ВОЛГЕ

**ОФИЦЕР ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1942–1943

Клеменс Подевилъс

**Бои на Дону и Волге.
Офицер вермахта на
Восточном фронте. 1942-1943**

«Центрполиграф»

Подевильс К.

Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте.
1942-1943 / К. Подевильс — «Центрполиграф»,

Немецкий офицер Клеменс Подевильс по заданию командования вермахта совершал поездки на Восточный фронт и составлял отчеты о дислокациях и рекогносцировках войск, результатах проводимых боевых операций, потерях в технике и живой силе и тому подобных показателях, отражающих состояние армии и положение на фронте. Выполняя свою задачу, автор проследовал от Варшавы до Сталинграда и подробно описал в дневнике бои местного значения и решающие сражения на берегах Дона, с последующим форсированием реки, битву за Сталинград и уличные бои за каждый дом, уделяя особое внимание бытовой стороне солдатской жизни на фронте.

Содержание

Середина апреля 1942 г	5
22 апреля	7
1 мая	8
15 мая	9
23 мая	10
Берлин, 26 мая	11
29 мая, Лётцен[4]	12
30 мая	13
1 июня, Корец (населенный пункт между Ровно и Киевом)	14
1 июня	15
2 июня, Полтава	17
4 июня, Харьков	18
5 июня	19
8 июня, пребывание в населенном пункте	20
9 июня	21
10 июня	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Клеменс Подевильс

Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942—1943

Середина апреля 1942 г

Шесть недель творческого отпуска и – домой.

Ранним утром я вышел из казармы. Дорога ведет через дубовый лес. Вековые деревья растут далеко друг от друга. Иду по песку колеи, он слегка поддается при каждом шаге. Вокруг лес и утренняя тишина.

Над улицами Потсдама светит весеннее солнце, золотит фигуры строгого фридрианского рококо¹.

Поезд на перегоне между Берлином и Виттенбергом (ныне Лютерштадт-Виттенберг. – *Ред.*) направляется по высокой насыпи в долину Эльбы. Весной река вышла из берегов, поэтому состав движется как по волнам. Последний луч алого заходящего солнца падает на изумрудную полосу воды.

Ночью поезд проходит через Плауэн в Эгер (ныне Хеб в Чехии. – *Ред.*), он почти пуст. Ко мне на некоторое время подсаживается кондукторша, бойкая, энергичная дама, родом из Саксонии, молодая и симпатичная. Она замужем, у нее четырехлетний мальчик. Находясь в поезде, она выполняет боевую задачу. Она бодро несет службу. Шапочка лихо сидит на ее белокурых кудрях набекрень, как стрела амура. «Ах, девочка, раньше, когда я состоял в движении социалистической молодежи, мы много двигались, но я никогда не падал на танцплощадке». Она не беспокоится за исход войны. «Фюрер...»

Во время длительной остановки поезда я прошелся по старинному Эгеру. Ночь безлунная и холодная, город располагается в затененной местности, будто в ущелье. Небольшой дом, где был убит Валленштейн². На городской площади неслышно журчат два фонтана. Внизу на башне, как гром, каждый час тишину нарушает бой часов.

Наконец, в 5 часов поезд трогается. Светает. Перед глазами медленно предстает ранее скрытый темнотой ландшафт. Железная дорога проложена в выемке – с обеих сторон склоны сланцевой коренной породы. Выше, ближе к небу, – темный хвойный лес – ели и сосны. Ниже, под виадуком, темная вода – река Миза³. Все больше занимается восток, небо постепенно становится кристально-синим. В утреннем небе движется остроконечное, словно копье, облако, его края пылают, они точно объята пламенем и растворяются в прозрачном эфире. Я добирюсь до своей цели. Подо мной по скалам течет река с ледком по берегам из-за ночного морозца. На той стороне на склоне гор располагается деревня с белыми домиками, на самом верху в блеклой желтизне – замок. Все еще в тени, солнце не взошло. О моем приходе не предупредили, никто не идет вынимать письма. Люди спят. Я спешу по крутой дороге вниз к Мизе, перехожу мост, иду через луг по тропинке, которая за деревней ведет вверх по горе к садовой

---

¹ Фридрианское рококо – оригинальный художественный стиль, выработанный в искусстве в период правления короля Пруссии Фридриха II с 1740 по 1786 г. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*)

² Автор имеет в виду Альбрехта фон Валленштейна (1583–1634), чешского дворянина (но бывшего настоящим живодером по отношению к своему народу), ставшего имперским фельдмаршалом и генералиссимусом при Фердинанде II, императоре Священной Римской империи и короле Чехии; по подозрению в измене (тайные переговоры со шведами о заключении мира) Валленштейн был отстранен от командования, был издан указ о конфискации всех его имений. 25 февраля 1634 г. Валленштейн был убит заговорщиками из собственной охраны в крепости Эгер. Убийцы были щедро награждены императором, который приказал отслужить 3 тысячи панихид за упокой души своего генералиссимуса.

³ Миза – река Мже в современной Чехии.

изгороди. Арка железных ворот. Ворота еще заперты изнутри. Я звоню. Из дома раздается звучный, хорошо знакомый голос. Вижу, как ко мне приближается человек.

Неужели все это происходит не во сне? И я сразу проснусь?

22 апреля

Неделя была похожа на круговое движение по лесу, полям, двору и дому! В какой степени долгое отсутствие способно повлиять на быт человека? Мысли и действия стали совсем иными, и нелегко вновь принять на себя хозяйские хлопоты. Но затем происходит перемена. Я становлюсь прежним и вижу, что дела у оставшихся на родине людей во многих случаях обстоят хуже, чем «по ту сторону». Здесь судьба уже не кажется столь благодатной, как раньше, и лозунги далеки от реальности. Люди стали замыкаться на своих проблемах и опасаться друг друга.

1 мая

Прогулка по лесу со старшим лесничим. Холод сопровождается дождем со снегом и мелким градом. На возникшем перед глазами зимнем ландшафте – цветущие заросли ивняка. На крутом берегу реки между каменными глыбами посередине сплошной лесосеки возвышается лиственница, одиноко стоящее семенное дерево. Высоко над стройным, как свеча, стволом без сучьев ярко зеленеет крона, словно вспыхивая от внешнего света. Наверху, на гребне холмов, отсутствует древесная растительность, что стало следствием бури в прошлом ноябре. Ночью в течение нескольких часов она вырывала и выкорчевывала массивы старых елей и пихт. По тому, как упали стволы (часто друг на друга), можно догадаться о направлении урагана. Отвесно, во весь рост, стоят вывороченные с землей корни. Однако в освещенных солнцем местах уже появились трава, папоротник и цветки мать-и-мачехи.

Сквозь бурелом мы проникаем туда, где лежат уже обработанные и очищенные стволы.

Целый день мы были на ногах. Много раз старший лесничий останавливался и приходил в отчаяние, рассказывая о том, как охотились в давние времена, в тиши уже почти давно забытой эпохи австро-венгерской монархии. Но такая страсть – мысленно обращаться к прошлому – свидетельствует и о том, что сам лесничий постарел. Теперь он не так легко переводит дух и рассказывает истории, наверное, также для того, чтобы передохнуть.

15 мая

Стало сухо. Только сегодня моросит мелкий дождь. Для появления всходов ржи требуются тепло и влага. Побеги пихт усеяны пурпурными цветками. Вскоре произойдет опыление, будет богатый семенами год.

23 мая

Отпуск закончился. После отъезда все происходило как всегда. Когда поезд делает поворот и знакомые деревня и замок исчезают из поля зрения, внутренний голос говорит: это было в последний раз. Но подсознание подсказывает, что страх напрасен. Поэтому и на этот раз я сохраняю уверенность, что еще вернусь.

Берлин, 26 мая

День был заполнен покупками и подготовкой к поездке. Путь лежит на восток – как в конце прошлого года. Лишь к вечеру я перевожу дух, и этому способствует уединенность в зоопарке. Подстриженный газон, лиственные деревья, под чьими широкими кронами повсюду цветут кустарники. Только у края темной, неподвижной водяной глади, над которой нависают железные мостики и которая, разделяясь на рукава, окружает остров, буйная растительность, сравнимая с тропиками. Азалии, алые и розовые. Между ними праздничные свечи рододендрона, красные, как пион. На газоне – тюльпаны, бледные, точно восковые, и нарциссы с золотистыми венчиками зеркально отражаются в воде. Чашечки тюльпанов выступают и в зарослях папоротников. Когда после светлого, яркого майского вечера наступают сумерки, чашечки закрываются, зеленые стебли блекнут. Еще какое-то время цветы как бы парят в зарослях папоротников, а затем угасают. Белые грозди черемухи свисают к воде. Ночью особенно остро чувствуется дурманящий запах.

29 мая, Лётцен⁴

Утром мы собираемся отправиться в путь из этого городка в Восточной Пруссии. Из моего маленького номера в небольшой гостинице открывается вид на городской парк. У берега озера между деревьями поблескивает дощатая перегородка бассейна. Я только что искупался в холодной воде. Широкое голубое озеро в Лётцене имеет форму круга. На далеком противоположном берегу низкие холмы с лугами, посевами и буковым лесом. Редкая зелень на фоне пихт и сосен. Пока еще нет буйной растительности после суровой и долгой зимы, едва распустились почки на ясенях, фруктовые деревья цветут только в том случае, если защищены шпалерами.

---

⁴ Лётцен – город в Восточной Пруссии, после Второй мировой войны отошедший к Польше и получивший в 1946 г. название Гижицко.

30 мая

Днем мой путь лежал мимо Варшавы, в Люблин. Унтер-офицер Флайсснер, который везет меня, по профессии учитель в сельской школе в Фогтланде⁵. В городах и населенных пунктах Восточной Пруссии, которые были разорены в 1914 г., строят много новых зданий. Простой, отвечающий духу времени стиль удачно сочетается со старыми постройками, с само-бытной значимостью церковей и замков. По направлению к границе рейха земля становится бедной. На ковриках вереска торчат остроконечные конусы можжевельника.

На территории Польши начались работы по посадке нового леса на больших участках неплодородных земель или по превращению таких земель в плодово-ягодные питомники. К работе привлекаются колонны гражданских лиц.

Въезд в Варшаву через временный мост, который пересекает Вислу рядом со взорванной стальной конструкцией. Высокие здания громоздятся непосредственно рядом с монастырями, домами и дворцами в стиле барокко, которые составляют общий вид города, как писал нам Э.Т.А. Гофман⁶. Однако следы разрушений наблюдаются и в старых, и в новых постройках. В связи с трудностями в снабжении продуктами (голод на оккупированных немцами территориях. – *Ред.*) в разрушенных районах появились огороды. Сотни людей сидели на корточках на своих точно отмеренных грядках, никак неогороженных. Они рыхлят землю и сажают картофель, надеясь осенью собрать на песчаном грунте урожай.

Во время обеденного перерыва Флайсснер рассказывает о своей родине, деревне, расположенной на возвышенности в Фогтланде. Люди там бедные, безземельные крестьяне, владеющие одной или двумя головами скота. Сейчас вышивание на дому составляет источник дохода, как когда-то. На рубеже веков люди перешли от ручной вышивки на швейную машинку с механическим приводом. Затем в результате появления другого приспособления на раму механически переносился трафарет. Кто вовремя воспользовался подобными автоматами, живет сегодня в «квартале богачей».

Мы пересекаем Вислу, и поездка продолжается уже по плодородным землям. К вечеру, прежде чем мы добрались до Люблина, это была несколько пестрая холмистая местность, где луга и поля чередовались с лиственными лесами. Сельские дома выкрашены светлой краской. Улица здесь представляет собой затененную аллею из огромных берез, ив и тополей, каштанов и кленов. После скуки в первой половине дня веселая прогулка. Узкая немощеная дорога ответвляется к поместью, где располагается парк.

---

⁵ Фогтланд – гористая местность на востоке Германии (земли Бавария и Саксония), между горами Фихтельгебирге и Рудными горами.

⁶ Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) – немецкий писатель-романтик, юрист, композитор, дирижер, музыкальный критик, художник и карикатурист.

1 июня, Корец (населенный пункт между Ровно и Киевом)

Переночевал в Пожарном переулке, 6. По названию видно изменение, которое произошло с этим украинским городом за год, когда я впервые проезжал мимо него. Тогда пехота проходила мимо дымящихся руин. Сейчас зона боевых действий превратилась в административный округ, на месте подразделения появились службы по поддержанию порядка. На дорогах можно увидеть и местную, украинскую полицию (то есть так называемых «полицаев». Украинские полицаи «прославились» охотничьим азартом в истреблении евреев и партрудников, а также поляков. – *Ред.*).

Несмотря на название моего переулка, которое в изобилии предвещает воду, ее нет ни в доме, ни во дворе. После захода солнца мы спускаемся по крутой тропинке к речке и моемся в темной прохладной воде, которая медленно, еле заметно течет со стороны города.

На обратном скате холма несколько убогих изб. Вверх по реке почти бесшумно работает насосная станция. Некоторое время мы сидим на прибрежных камнях, вскоре опускается ночь, и на небе ярко светятся звезды. На другом берегу три девушки спускаются к реке и идут вниз по течению. Их не видно, но слышно, как они поют. Одна ведет мелодию голосом сопрано, две другие исполняют припев в минорной тональности. Поочередное пение повторяется во многих куплетах, пока не становится все тише и тише и совсем не исчезает. Это пение навеивает грусть. Было ли оно только фоном, и отчего радовались эти люди?

Когда сегодня мы опять спустились к реке, склон был занят сотнями русских военнопленных, которые работают в каменном карьере. По облику своих храмов Люблин, который мы проезжали 30 мая, был последним городом западного, то есть римско-католического, христианства. Восточнее, на землях Украины, доминируют безмолвные, устремленные в небо купола церквей, увенчанных православными крестами.

Часто церкви находятся в стороне от населенного пункта, в уединенном месте, среди леса.

До Дубно все было еще ничего – холмы, ложбины в долине, буковый лес, как в альпийской зоне, – и это казалось хорошо знакомым. Между тем мы миновали восточную окраину распространения бука. Лишь дубы встречают нас дальше – в зоне континентального климата с суровой зимой (умеренно континентального с умеренными морозами. – *Ред.*). Обычно лесные массивы состоят также из берез и хвойных деревьев.

Мы оказались в местах первого большого танкового сражения, которое произошло прошлым летом, вскоре после начала кампании. Тогда Советы еще посылали в самое пекло в массовом порядке свои легкие – слишком легкие – танки. (Не только легкие. К контрудару привлекались силы 6 механизированных корпусов (22, 4, 15, 9, 19 и 8-го). Понеся большие потери уже на марше от ударов вражеской авиации и из-за изношенности матчасти, советские корпуса тем не менее до конца июня 1941 г. задержали немецкую 1-ю танковую группу на рубеже Ровно – Дубно, нанеся ей тяжелые потери. – *Ред.*) Они стояли еще и сейчас в полях и болотах там, где были уничтожены или застряли в трясине. Ржавчина проела зеленую защитную краску, стволы пушек наклонены или смотрят в воздух.

1 июня

Заброшенность, тишина бывшего района боя. Марьяковка – Барбаровка – Несолонь. Глинобитные хаты кучно, как грибы, рассеяны по равнине среди садов. Затем вновь густой смешанный лес, который пересекает узкоколейка.

В июле 1941 г. русские атаковали с севера дорогу, по которой осуществлялось снабжение наших танковых сил, прорвавшихся к Киеву, и продвигались по ней. Контратака полка «Хох унд Дойчмайстер»⁷, командовал которым полковник Айбль⁸ (с тех пор его не стало, он погиб). Он олицетворял собой офицера старой австрийской армии. Умный, бесстрашный. Он ехал на легковом автомобиле со своим разведдозором впереди полка. Он был четок при анализе обстановки и в своих приказах, непринужден в поведении, полон доброты и юмора при общении с рядовыми и офицерами. Характеристика «старик», которой солдаты ласково наделяют своих командиров в этих условиях, безоговорочно воспринимается как «отец».

Повторный маневр на участок, где вчера происходили боевые действия, в результате чего осталась лишь пустота и все вымерло, вызывает своего рода уныние. Несуразное настроение! Однако никому не хотелось испытать произошедшее во второй раз.

О Киеве, который мы, к сожалению, проезжаем в большой спешке, только самое поверхностное представление. Здания, построенные в царский период в конце XIX века, в стиле ренессанс перегружены украшениями. Более привлекательны усадьбы из дерева с украшениями из пиленых полос, которые уложены на арках у входов в сад, окружают двери домов и обвивают фронтоны, карнизы и навес. Это советские монументальные здания. Между тем хаты – одноэтажные, с осыпающейся штукатуркой, с трухлявыми деревянными перекрытиями, гниющие, с обваливающимися дверьми – пребывают в запустении. Связана ли эта разруха с режимом? Характеризует ли это общий вид городов на Востоке? Мне не хочется принимать опрометчивых решений в пользу тех, кто говорит, что так было испокон века, и в то же время поддерживать мнение русского эмигранта, который сейчас, через 25 лет (в качестве переводчика вермахта), вновь видит свою родину и качает головой в связи с такой запущенностью в «когда-то таких чистых и красивых городах».

Город медленно уступами поднимается вверх от реки. Чуть дальше на главной улице находится белая стена, которая опоясывает ботанический сад. Центр города ужасно пострадал от взрывов. По высокому холму спускаемся к Днепру. Военный мост ведет через широкую реку. Вдали сосновые леса покрывают более низкий восточный берег, постепенно поднимающийся от широкой песчаной поймы. Обеденный перерыв на стволе поваленной березы, рядом с дорогой. Я прохожу чуть глубже в лес. Взлетает сизоворонка. Размахивая крыльями, как голубь, она исчезает в полумраке между деревьями. Остатки одной позиции русских, рассыпанные боеприпасы для минометов. Однако затем мне внезапно ударила в лицо волна приторного запаха гниения. Любознательность улетучилась, я возвратился к Флайсснеру.

Когда мы, сидя на стволе дерева рядом друг с другом, ели свою консервированную пищу, на дороге появился старик. Он обратил на себя внимание уже издалека. Он шел босиком, по виду сильный духом, богатырь, с седыми волосами и бородой. На его лице блестели большие голубые глаза. Он прошел широким быстрым шагом, не оборачиваясь. У этого крепкого старика ничего не было, его положение бедного человека не имело ничего общего с беспросветной нищетой массы людей, которые плелись мимо нас и, согнувшись, тащили свои тележки.

---

⁷ Входил в состав 44-й пехотной дивизии вермахта под Сталинградом.

⁸ Айбль Карл (1891–1943), генерал-лейтенант; с 8 января 1942 г. в качестве командира 385-й пехотной дивизии сражался под Сталинградом; 20 января 1943 г. принял командование XXIV танковым корпусом и на следующий день погиб.

Кто был этот незнакомец – прорицатель, нищий святой, старец, запутавшийся в потерянном мире нашего времени?

Ночлег в провинциальном городке Переяславе (Переяслав-Хмельницкий. – *Ред.*), в доме районного начальника. Длительная вечерняя беседа. Я был у него в гостях и сегодня на завтрак. Был богато сервированный стол, не было недостатка ни в чем, ни в свежем молоке, ни в масле, ни в яичнице-глазунье, ни в холодной мясной закуске (благодаря, как писалось выше, «беспросветной нищете массы людей». – *Ред.*).

Осуществлять контроль за 76 коллективными хозяйствами, вести хозяйство на площади в 160 тысяч гектаров! Решение подобной задачи было не по плечу ни одному из партийных бюрократов, привыкших работать по плану. В данном случае может успешно действовать только человек, обладавший опытом ведения собственного хозяйства, тот, который отвечает за принятие решений.

(В данном случае автор некомпетентен. 160 тысяч гектаров – обычная площадь угодий среднего района, и указанные мелкие колхозы (в 1970–1980-х они были раз в 10 крупнее) успешно руководились маленьким райкомом.) Тем более в данном случае выполнение плана поставок для германской армии (которая полностью кормилась за счет оккупированных территорий. Обеспечивалось это гестапо, зонд ер командами и полицией. Попытки, виселицы и расстрелы были обычным делом, в котором по эффективности советские органы сильно уступали немецким. – *Ред.*) Только масштаб изменился, 1:100 000, полагает, улыбаясь, мой хозяин дома. Он родом из Северной Богемии⁹, где у него было имение и он занимался плодоводством. В настоящее время он на ногах от восхода и до заката, без автомобиля, он зависит только от верховой лошади и телеги (успешно погоняя украинских крестьян. – *Ред.*). Прошлой осенью он должен был и обеспечить сев озимых, и, используя немногие оставшиеся приспособления, обмолот урожая. В целом удалось выполнить обе задачи. Сначала казалось, что отступающий противник захватил или уничтожил 200 тракторов. Но их лишь спрятали или привели в негодность, изъяв из них магнето. Вновь появились и магнето, многие из которых были сброшены в колодцы с журавлем. Отсутствовало топливо, которое повсеместно конфисковывалось в интересах армии. Оставалось делать ставку на 11 тысяч лошадей и 5 тысяч быков. Наступая и отступая, обе армии нанесли огромный ущерб поголовью скота. Кроме того, для своих лошадей, вопреки запрету, войска всегда конфискуют сено и фураж. Тем более что давно зима не была столь длинной и суровой, как в 1941–1942 гг., поэтому начало выгона скота на пастбища затянулось до мая. Я видел разобранные соломенные крыши. Они были отданы на корм животным¹⁰. Но тот скот, что уцелел, постепенно начал снова округляться из состояния почти скелетов. Потрепанная, часто совсем выпавшая шерсть вырастает вновь, шкура разглаживается. Поскольку война отодвинулась на восток, район отрезился от ее ненасытных запросов.

Осенью не оставалось ни времени, ни машин и рабочей силы, чтобы подготовить почву для сева. Почву дополнительно разрыхляли с использованием бороны и культиватора. Жалкое действо, и удалось засеять половину пригодной для сева земли. В настоящий момент еще не завершился весенний сев. Необходимо сначала посеять картофель, гречиху и просо. Мой хозяин дома сравнивает почти неразрешимые проблемы, стоявшие перед ним в ходе прошедших месяцев, с мучительно сданным экзаменационным заданием. Для него самого остается загадкой то, как он смог преодолеть все трудности. Без самоотверженной работы населения, которую он не может не оценить достаточно высоко (очень действенные стимулы – гестапо, виселица, смерть от голода. – *Ред.*), нельзя было бы преодолеть кризис.

---

⁹ Северная Богемия – то есть Северная Чехия.

¹⁰ В русских (великорусских, украинских, белорусских) деревнях и селах крестьяне сохраняли своих коров, пока это было возможно, и в качестве корма давали им соломенные крыши. С крыш снимали почерневшую от дыма солому, запаривали ее и кормили скот.

2 июня, Полтава

Сегодня утром, в Переяславе, мой хозяин дома говорил о выносливости, закалке местных людей.

Зимой, также при сильном морозе, он видел, как мужчины и женщины управляли поводами без рукавиц.

Что за порода людей населяет эту часть Украины? В ходе долгой и медленной однодневной поездки я видел, наверное, тысячу женщин и девушек, которые привлекались из своих деревень для ремонта грунтовой дороги. Непрерывающееся движение грузовиков, повозок имело следствием образование выбоин, которые должны были постоянно забрасываться грунтом, а пути выравниваться. Этим занимаются в основном женщины. Они забрасывают выбоины лопатами поодиночке и группами, чтобы в последнее мгновение отпрыгнуть в сторону от автомобиля. Или они стоят на обочине, отдыхая, опершись на лопаты, подмигивают и смеются, глядя на нас. Они страдают от облаков пыли, поднимаемых проходящими автомобилями. Видно много белокурых волос и светлых глаз, крепких скул и округлых щек. Это соединение блондинки со степным налетом является каким-то поразительным явлением. И всегда эти лица с цветущими румяными щеками светятся улыбками. Находясь посреди облаков пыли, они смеялись, как дети. Нам не удастся адекватно понять веселое настроение. Нас приводит в замешательство этот луч, исходящий из неистощимого источника силы и здоровья.

Все они носят одинаковую одежду. Белая льняная блузка облегает высокую, упругую грудь, юбка доходит до колен. Девушки ходят босиком по мягкому песку. Головы обмотаны платками белого, красного или лимонного цвета.

Что касается крестьянских повозок, которые встречаются нам, бросается в глаза то, что волы используются по двое в упряжке.

4 июня, Харьков

Я – в 6-й армии и тем самым достиг своей цели. Въезд через бывший центр города, относящийся к периоду царского времени. По обеим сторонам с севера на юг стоят представительные постройки, выполненные в простом, но при некоторой суровости богатом стиле Российской империи. В частности, это касается фасада с белыми колоннами бывшего аристократического дворца. Сумская, главная улица, поднимается на север, пока с достигнутого уровня высоты не открывается взгляд на просторный участок, площадь Дзержинского – самую большую площадь Европы, как утверждали Советы. Широкий манеж полукругом огибают гигантские постройки кубической архитектуры. От площади рационально расходятся улицы. Однако построенные высокие здания делают улицы похожими на туннели или ущелья. И сама площадь не дает избавления, возможности каких-то перспектив. Она походит, скорее всего, на некий внутренний двор, который увеличен здесь до невероятных размеров. Кроме того, гигантские кубические конструкции здания Госпрома выглядят так, будто их построили не люди, а словно они порождены первичной породой, которая вырвалась на свет божий. Большею частью здания сгорели. Их три: Дом планирования, к которому примыкает Дом проектных организаций, который, в свою очередь, переходит в здание Дома кооперации самой маленькой постройки. Народная молва поняла абсурдность этой градации, в которой также указывалось то, в какой последовательности строились здания. Вначале шло планирование, которое было самым могущественным, в последнюю очередь и неприметно – сельское хозяйство, первичный элемент в Украине!

С каждым километром, чем ближе мы подъезжали к Харькову, людей по обеим сторонам дороги становилось больше. Это крупный город, из которого людские массы, не желая голодать, двигаются в сельскую местность и обратно. Вместо отсутствующих вьючных животных люди сами тащат лямки переполненных, перегруженных тележек. Широкий анализ положения вокруг Харькова дает объяснение нищеты, которая выгоняла голодающих людей с насиженных мест. Хозяйственные чиновники оккупационной администрации могли обеспечить питанием работающее население. Однако работала лишь небольшая часть жителей, так как при отступлении оборудование важных отраслей было вывезено и работа местных заводов была парализована (как видим, автор винит в голоде власти СССР, которые вывезли оборудование, чтобы продолжить сопротивление агрессору. – *Ред.*). Десятки тысяч людей колоннами движутся в деревню. Неужели это еще живые люди, эти склоняющиеся друг над другом фигуры, которые спят в обеденный зной рядом со своими тележками, на которых уложены тюки с домашним скарбом? По крайней мере, эти люди пережили зиму. Ибо население отправлялось в путь и при сильном морозе, и по заснеженным дорогам. Они бродят целыми днями, чтобы в какой-нибудь отдаленной деревне сбыть с рук свое имущество и обменять содержимое мешков на продукты питания. Какая выносливость в ослабленных телах! И каким образом так неповторимо в людях соединяются жизненная энергия и фатализм!

5 июня

Полночь, жаркая, безлунная ночь. По мрачному городу раздается шум в связи с выдвиганием войск. Звуки моторов автомобилей тыловых подразделений, стук копыт лошадей по асфальту, и теперь, вот уже скоро час, как безостановочно гудят и грохочут танки, от которых дрожат стены. Это все происходит на улице Сумской к северу на выходе из города. Утром я поеду в том же направлении. Моя задача – предоставить отчет о боевых действиях пехоты.

Сегодня во второй половине дня местный балет танцует в оперном театре, переполненном солдатами. В течение зимы армия вновь способствовала воссозданию коллективов харьковских оперы и балета. Для этого не потребовалось выделения гонораров, разрешение командования вермахта на продовольственное снабжение стало для уцелевших артистов спасением в период голодной нужды. Сегодня исполнялось «Лебединое озеро», романтический балет на музыку Чайковского.

Когда люди этой страны начинают петь и танцевать, то это словно пробуждение от глубокого оцепенения. Они охвачены ритмами, с лиц исчезают маски. Они похожи на ночных бабочек, которые только что беззаботно и неприметно спали. Им полностью удастся осуществить превращение в нечто танцевальное, что часто с трудом могут сделать западные танцоры. Тут теряется собственное «я». Все стало свободным, и невесомо парящее движение танцоров помогает зрителю отрешиться от всех своих забот.

Во всех танцовщиках, очень молодых, отражается все тот же тип, хотя и утонченный, который олицетворяет собой крестьянских девушек, идущих вдоль военной дороги. Он напоминает о греческом начале, Античности (даже Гитлер, посещая эти края, восхищался «истинно арийским типом» населения Восточной Украины. – *Ред.*). Вот идет полногрудая женщина, которой позавидуют кариатиды¹¹. У нее сильные икроножные мышцы, и в то же время ничего неуклюжего, тяжеловесного в ее фигуре нет, только скрытая грация. Такие образы пробуждают в нас давнее чувство, когда в красоте боготворят холодность, а в суровости ощущают совершенство.

---

¹¹ Кариатида (греч.) – скульптурное изображение стоящей женской фигуры, которое служит опорой балки в здании (или образно выражает эту функцию).

8 июня, пребывание в населенном пункте

На этой восточной долготе смеркается на несколько часов раньше, чем дома. При пользовании среднеевропейским временем, которое мы, немцы, несем на Восток в качестве строгой меры единиц, мы всякий раз теряли счет времени, которое, как известно, зависит от движения Солнца.

Мой автомобиль трудно увидеть с самолета, ибо он защищен ветвями деревьев, за деревенской школой. Через стекла ничего не видно из-за дождя, ибо дороги превратились в трясину, черную трассу, они скользкие, как мыло. Выдвижение войск застопорилось. Двигутся лишь черные тягачи 210-мм минометов. Наступление повторно перенесли на сутки. Это начало крупного весеннего наступления, которое должно перенести боевые действия дальше на восток.

Как тяжело описывать эту страну, чтобы тебя правильно поняли. Определения «холм», «лощина», «низина ручья» вызывают в памяти обычные, знакомые нам образы. Здесь то же самое, но масштаб другой, неровности местности низкие, широкие, они растянуты по безграничному горизонту, в котором исчезает пространство и остаются пустоты – «океаны печали».

Ощущение пустоты усиливается уже вблизи обочин дорог, где не возделывается земля. Не зеленеют ржаные и пшеничные поля. Время от времени обрабатываются лишь узкие полосы, где колхозники обрабатывает землю как собственность. Впрочем, высокие, сильно разрастающиеся сорняки быстро покрывали склоны и лощины.

Наконец, вечером улучшается погода. Если утром будет ясный день, то послезавтра должно начаться наступление.

9 июня

Солнце и ветер подсушили чернозем. Почва стала вязкой и блестит, как серебро. Сегодня на южных склонах начала подниматься пыль.

Со склона, где проходит фронт, можно обнаружить через бинокль позиции минометов и стрелковые окопы противника, вырытые на восточном берегу небольшой речки Муром. Никакой огневой активности. Противник не заявляет о себе. Однако выдвижение наших войск не могло пройти для него незамеченным. Колонны продвигаются вперед на открытой местности. Пояс дубового леса представляет собой укрытие, по крайней мере, для артиллерии.

На прошлогоднем картофельном поле, заросшем сорняками, дети собирают картофелины, которые распадаются в руках. Рядом растут подсолнухи, они взошли из посаженных в прошлом году семян. Стерня злаков покрывается густым слоем сорняков, будто она засеяна. Затем снова рапс и горчица. Высокие, желтые цветки, от которых волнами исходит аромат меда.

При стремительно наступающих сумерках возвращаюсь обратно на позицию, где в узкой ложине располагается командный пункт батальона. Ночь. По дороге поехали походные кухни. Разносчики продовольствия встречают кухни и разносят горячую пищу дальше – в окопы.

10 июня

Обед, вот уже 8 часов мы находимся на линии фронта, на восточной опушке соснового леса, в направлении Северского Донца.

На линии фронта у нас нет связи ни с тылом, ни с соседями по обеим сторонам. В нескольких сотнях шагов за нами широкая просека разрезает лес. Вдруг один русский танк, а затем второй простреливают просеку из пулеметов и открывают огонь по всему, что шевелится. Поэтому ни у кого нет возможности отойти. Тем не менее мы стараемся воспринимать обстановку как нормальную. Она принималась в расчет при отдаче приказа о наступлении, который предусматривал прорыв без учета на фланговое прикрытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.